

МАЙКЛ ФЭРРИС
СМИТ

ГОЛОСА ТЕМНОЙ ДОЛИНЫ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С50

Michael Farris Smith
BLACKWOOD
Copyright © Michael Farris Smith, 2020
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Trident Media Group, LLC*
и *The Van Lear Agency*

Перевод с английского Александра Александрова
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Смит М. Ф.

С50 Голоса темной долины : роман / Майкл Фэррис Смит ; пер. с англ. А. Александрова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 256 с. — (Территория лжи).

ISBN 978-5-389-27112-8

Спустя много лет Колберн возвращается в Ред-Блафф — маленький городок в глуши американского Юга, где прошло его детство. Что же тянет тридцатилетнего мужчину в эти места? Произошедшие здесь когда-то страшные события наложили отпечаток на всю его жизнь — мальчику не было и двенадцати, когда на его глазах отец покончил с собой. Лишь позднее Колберн узнал о трагедии, разыгравшейся в их семье еще до его рождения.

Теперь Ред-Блафф умирает — долину, в которой лежит городок, теснят заросли леса, а люди здесь как будто не живут, а лишь изображают жизнь. Лишь начавшиеся таинственные исчезновения способны всколыхнуть вязкое болото апатии. В этом городе что-то не так, и Колберну вскоре предстоит узнать, что именно.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. В. Александров, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27112-8

1956

В тот вечер свет долгого августовского дня сочился сквозь окна кухни, падая на лицо и руки Колберна, грязные после игры в футбол в соседском дворе. Мать отерла ему пот кухонным полотенцем, взяла сына за подбородок и вгляделась в его лицо: «Скоро исполнится двенадцать. Даже не верится». Он спросил, где отец, и она ответила, что там, в мастерской, иди позови его, пора ужинать. Мальчик заметил на столе под высоким шкафчиком, где отец хранил виски, пустую бутылку, взял ее, отвинтил крышку и понюхал. Ему обожгло нос, а мать рассмеялась его гримасе и сказала, чтоб знал теперь, что это за дрянь. И думать не смей. Ни сейчас, ни потом. Перестав улыбаться, она выглянула в кухонное окно на задний двор. Ее взгляд скользнул к мастерской, где обычно скрывался отец, вернувшись домой с работы.

Иногда оттуда доносился визг пилы или стук молотка, но чаще стояла мертвая тишина. Мать отвела глаза, и у нее на лице появилось отсутствующее выражение.

Она опустила взгляд. Открыла кран, вымыла руки, закрыв глаза, прикоснулась влажными кончиками пальцев к векам и застыла. Капли воды стекали по ее запястьям и щекам, а она все стояла так, словно приказывая времени и пространству подождать. Немного подождать, пока она снова не будет готова.

Колберн знал, что в таком состоянии ее лучше не трогать, и, пятясь, вышел из кухни и направился через двор к мастерской. Не доходя до нее, он окликнул отца. Пора ужинать. Мама зовет. Иногда ему нравилось заходить в мастерскую. Когда там играло радио, а отец потел над какой-нибудь поделкой, чтобы убить время, и позволял ему вбить гвоздь или протереть кисть. В такие дни отец бывал необычно спокоен. Редкие проблески света на фоне вечной кромешной тьмы. Из-за этой тьмы Колберну не нравилось заходить в мастерскую, когда там стояла тишина. Потому что в такие дни отец сидел на складном стуле, ссутулившись и положив локти на колени, с бутылкой в свисающей вниз руке и налитыми кровью глазами, и каким-то чужим, незнакомым голосом спрашивал: «Чего тебе надо? А? Какого черта тебе надо?» И мальчик пятился задом в открытую дверь, и разворачивался, и со всех ног неся обратно в дом, и говорил матери, что отец пока не может прийти, и больше уже не

видел его до следующего утра, когда тот выходил к завтраку.

В тот день из мастерской не доносилось ни звука, но, подходя, мысленно он еще бежал с футбольным мячом к заветной линии. Он уже протянул руку к скобе, но остановился. Дверь была плотно закрыта, несмотря на жару. Колберн заглянул в щелку, но внутри царил полумрак. Он оглянулся на кухонное окно, за которым из стороны в сторону ходила мать, накрывая на стол и наливая чай в полные льда стаканы, снова взялся за дверную скобу и распахнул дверь. Потянулся к выключателю за дверью, чтобы включить свет, и в этот момент услышал кряхтение и резкий выдох. В полосах солнечного света, проникавшего сквозь щели между досками, с потолочной балки свисал, извиваясь всем телом, отец, носки его выгнутых, как у балерины, ног колотили по сиденью табурета, горло сдавливала петля, лицо побагровело, из уголков рта стекала слюна. Мальчик выпучил глаза, шарахнулся и ударился головой о дверной косяк, а отец хрипел, задыхаясь, бил себя ладонью по горлу и лицу, пытаясь что-то сказать, но смог только махнуть рукой, подзывая к себе. Колберн шагнул вперед и, взяв два кирпича из небольшого штабеля в углу сарая, положил на табурет и попытался поставить на них отцовские ноги, но тот сбросил их пинком. Отец шлепнул Кол-

берна по затылку и снова судорожно взмахнул рукой, отгоняя прочь.

Отец показывал куда-то в угол сарая, силясь что-то сказать, но лишь хрипел, истекал слюной и умирал. Его носки всё колотились о табурет, и в этот жуткий момент неопределенности Колберн поднял голову и заглянул в выкатившиеся глаза отца. Он не бросился наутек и не закричал, словно невидимые руки зажали ему рот и схватили за плечи. Потолочная балка скрипела под тяжестью отцовского тела, сражавшегося с земным тяготением и временем, в косых лучах света плясали пылинки. И тогда Колберн дернул головой и плечами, будто стряхивая с себя невидимые руки, шагнул вперед и выбил табурет у отца из-под ног.

Он отступил, последний раз встретился с отцом взглядом, а потом вышел из мастерской и закрыл за собой дверь. Немного постоял во дворе, глядя на мать, которая в кухонных рукавицах металась между плитой и столом, держа форму для запекания. Она поставила ее на середину стола и выглянула в окно. Заметив глядящего на нее Колберна, она слегка улыбнулась хорошо знакомой ему полуулыбкой, плохо скрывавшей вечную тоску, а когда в мастерской все затихло, он пересек двор и зашел в дом, чтобы позвать мать.

1975

Дряхлый кадиллак, стуча двигателем, пересек городскую черту Ред-Блаффа. Машина с трудом взобралась из равнин дельты на холмы Миссисипи, и непрерывные подъемы и спуски окончательно добили ее. В центре городка, состоявшего из нескольких улиц, двигатель наконец заглох, и длинная колымага замерла на краю парковки у почтового отделения. Над капотом за клубился дым, собравшись в грязное облачко, которое тут же унес утренний летний ветерок. Двигатель шипел. Пахло бензином. На переднем сиденье сидели мужчина и женщина, а сзади мальчик. Они смотрели в открытые окна с застывшим на изможденных лицах выражением покорности судьбе.

— Где мы? — спросила женщина.

— Здесь, — ответил мужчина.

Из почтового отделения показалась женщина в тускло-синей форме с пакетом под мышкой. Остановилась, сняла очки и окинула взглядом машину. Колеса без колпаков. Исцарапанные двери. Задний бампер, примотанный скрученной провололочной вешалкой.

Мужчина высунул голову из окна и звучно харкнул на асфальт. Женщина покачала головой, нахмурилась, пересекла парковку, забралась в угловатую почтовую машину и уехала.

— Я хочу есть, — сказала женщина в машине. — У нас там осталось что-нибудь?

Мальчик сзади передал ей кекс в целлофановой обертке — помятый, с прилипшей к обертке растаявшей глазурью, — однако женщина тут же сцапала его и разорвала целлофан.

— Дай кусить, — сказал мужчина. Но женщина широко открыла рот, запихала туда весь кекс целиком и принялась жевать; в уголках ее рта выступили шоколадные капли.

Мальчик вышел из машины. Мужчина и женщина вышли следом.

Они постояли перед машиной, которая уже перестала шипеть. Мужчина встал на колени и заглянул под двигатель. Оттуда текло — и спереди, и сзади. Он поднялся и молча зашагал по улице, и женщина и мальчик последовали за ним. Три нескладные фигуры. Женщина в висящей мешком одежде, мальчик, давно выросший из своей, и мужчина, теребящий на ходу клочковатую растительность на подбородке. Они брели по тротуару, словно призраки. Одинаковые узловатые конечности, впалые щеки и дряблая кожа. Три фигуры миновали церковь. Магазин кормов.

Строительный магазин. Дальше стали попадаться заброшенные здания. На каждую витрину с табличкой «открыто» приходилось три пустых, словно городок застрял в чистилище где-то между прошлым и будущим.

Они вошли в аптеку, звякнув колокольчиком над дверью. Фармацевт в белом халате поднял голову, не вставая со своего наместа в глубине помещения. За прилавком на табурете сидела девочка-подросток с конским хвостом, шумно жуя резинку и разглядывая журнал. Почувствовав запах, она задержала дыхание, пока пришельцы не прошли мимо, а затем сморщила нос и помахала в воздухе журналом.

— Вы чего-то хотели? — спросил фармацевт. Его волосы были жидкими и седыми, а из кармана халата торчали очки и ручки. Ему никто не ответил, троица молча топталась между стеллажами, разглядывая батарейки и таблетки от кашля, стараясь задержаться подольше в прохладе. В аптеке стояла тишина, нарушаемая лишь ерзанием фармацевта и девушки и шепотом женщины: лечь бы сейчас прямо здесь и заснуть.

— Когда-то в аптеках продавали мороженое и бутерброды, — сказал мужчина. — У вас есть?

— У нас этого нет, — ответил фармацевт.

— Почему это?

— Потому что нет.

— Бутерброды есть в кафе, — сказала девушка. Она отложила журнал, вышла из-за прилавка к двери и приоткрыла ее, как будто они спросили, где выход.

— Вы, должно быть, проездом, — сказал фармацевт.

— Уже нет, — откликнулась женщина.

— Может, и обоснуемся здесь, — сказал мужчина. Его черные запавшие глаза на грязном лице пристально следили за фармацевтом, приближавшимся по проходу между стеллажами. Мужчина не глядя схватил с полки коробку салфеток, приподнял ее и спросил сколько.

— Кафе вон там, — сказал аптекарь и указал рукой в сторону двери. — Салфетками сыт не будешь.

Мужчина уронил коробку на пол. Схватил с полки еще одну и бросил ее туда же. Женщина тем временем засовывала под рубашку упаковку нижнего белья, а мальчик, стоя с другой стороны стеллажа, пихал в штаны шоколадные батончики.

— Не трогайте эти коробки, пусть лежат, — заявил мужчина. — Сходим в кафе, о котором вы тут долдоните, и я вернусь за ними. Я хорошо запомнил, как они упали. Смотрите, чтобы никто не перекупил.

— Убирайтесь отсюда, — сказал фармацевт. Он сдвинулся на шаг вправо, к телефону. — Я серьезно.

— Я тоже.

Мужчина развернулся и направился по проходу к открытой двери, где его уже ждали мальчик и женщина, и, когда они выходили из аптеки, мужчина ткнул пальцем в живот девочки-подростка, которая все еще держала дверь открытой. Пожалуй, скоро вернусь, еще раз взглянуть на тебя.

* * *

Женщина спала на заднем сиденье, прикрыв лицо рукой. Мужчина сидел на багажнике и курил сигарету, уставившись в сумерки и думая о ссоре с женщиной, случившейся два дня назад.

Они поселились в чьем-то пустующем доме на ферме. Седобородый мужик в комбинезоне вывел их с участка под дулом дробовика. Женщина несла маленького, а мужчина и мальчик постарше шли с поднятыми над головой руками. Они дошли до спрятанной в лесу машины, сели в нее и поехали по грунтовой дороге, а сзади грохнул прощальный выстрел, для острастки. Потом добрались до заправки и сидели там с открытыми окнами, и потоки дождя лились над дельтой, и он дал мальчику доллар и велел купить мясных консервов и колы. Когда мальчик ушел, мужчина сказал: мы не можем прокормить всех. Пора избавляться. Маленький спал у жен-

щины на руках. Рот открыт, губы запеклись. Невозможно дальше тянуть это дерьмо. Для него это была арифметика. Простое уравнение: слишком мало денег и слишком много ртов, к тому же он никогда не верил, что в этом ребенке есть хоть капля его крови.

В ту ночь он смотрел в сумерки и оправдывал это все для себя, затягиваясь сигаретой под стрекот сверчков. Заводя этот разговор, он уже знал, что женщина в итоге сдастся. Уступит. Пора сбросить лишнюю ношу. И она уступила, даже легче, чем он ожидал.

Они оставили маленького в тот же день. Совершенно голого, в одном подгузнике. Рядом положили рюкзак, набитый скомканными рубашечками и пеленками. Набор зеленых солдатиков. Обрывок бумаги с нацарапанным на нем именем. Женщина постучала в дверь благотворительного магазина и бегом, не оглядываясь на ребенка, вернулась в машину. Закрыла ладонью глаза, когда они отъезжали. Еще до наступления темноты ее охватило раскаяние, и она проплакала всю ночь, сидя в машине на обочине проселочной дороги. Старший мальчик, понимая, что они сделали, и не в силах смотреть на них, перелез через ограду, ушел в луга и улегся в мокрой траве. Гроза прошла, оставив после себя бездонное черное небо и мириады звезд. В пустоте ночи мальчик по-прежнему слышал плач женщины. Она то тихо скулила,

то впадала в ярость и колотила кулаками по машине, а мужчина сказал, что ему надоело это слушать, и ударил ее тыльной стороной ладони по щеке, и женщина отбивалась, но он прижал ее к окну и сказал спокойно: прекрати, а то убью.

Наконец мужчина утихомирил ее, пообещав то же самое, что обещал с самого начала. Там маленький будет в безопасности, а мы свалим отсюда и поедем в Теннесси. Говорю же, я знаю кое-кого в Теннесси. Там есть где остановиться, а дальше разберемся. Она знала, что он лжет, но все равно верила, терзаясь чувством вины, а на следующий день проснулась в кадиллаке, который уже ехал дальше.

Мужчина надеялся, что она уже не вернется к этому, и вот. Еще даже из Миссисипи не выехали. Но дело сделано. Одной заботой меньше, и как же ему хотелось поступить так и с самим собой. Бросить себя где-нибудь под дверь, чтобы кто-нибудь его нашел. Похлопотал о нем. Накормил. Уложил спать. Но он был слишком озлобленным, уродливым, и единственное, чего он хотел, — отомстить всему миру. Наладить эту чертову машину и бросить их здесь, зачем вообще их с собой таскать. Надо было самому отвезти маленького в Армию спасения. И зачем вообще было брать ее с собой, пусть она и умоляла об этом. Хочу прикоснуться к нему напоследок. Да и за старшим не стоило

возвращаться. Надо было ехать одному и не останавливаться и предоставить им самим разбираться, как жить дальше.

Женщина проснулась и выбралась с заднего сиденья. Села рядом и взяла сигарету из пачки, лежавшей на багажнике. По тротуару ехал мальчишка на велосипеде, сзади, вывалив язык, трусила собака. Мужчина щелчком отбросил окурок и спросил мальчишку, открыто ли в этом дерьмовом городишке хоть что-нибудь после наступления темноты, но тот молча крутил педали. Мальчик весь день бродил по городу и теперь с грохотом вкатил на парковку найденную где-то тележку из магазина, полную алюминиевых банок. Сверху лежала половинка хлеба и несколько книг в мягкой обложке. Мужчина спрыгнул с багажника, взял хлеб и кивнул на книги.

— Что, читать научился? — спросил он мальчика.

— Оставь его в покое, — вмешалась женщина.

Мужчина вытащил из пакета кусок хлеба и засунул в рот, а когда женщина потянулась к нему, отвел руку. Тогда она взяла пачку сигарет и сказала, что он может с ними попрощаться, и он передумал и отдал ей хлеб. Она взяла кусок себе, другой дала мальчику. Хлеб подозрительно пахивал, но они стояли и ели, и в это время на улице появи-

лась полицейская машина со звездой на боку. Фары горели в пыльных голубых сумерках, как два ярких глаза.

* * *

Полицейская машина свернула на парковку и остановилась у заглохшего кадиллака. Двигатель замолк, фары погасли, и из машины вышел Майер. Он снял шляпу и, взяв ее за поля обеими руками, направился к ним. Брюки, заправленные в сапоги. Легкая хромота. Глубокие морщины вокруг глаз на обветренном лице.

— Смотрю, у вас тут небольшая заминка, — сказал шериф.

— Спасибо, что обратили внимание.

Майер подождал, пока мужчина скажет что-нибудь еще, но тот засунул себе в рот новый кусок хлеба, и все трое жевали, не обращая внимания ни на шерифа, ни на его машину и ни на что другое. Наконец Майер сказал, что, похоже, у вас какие-то проблемы. Стоите здесь уже порядочно времени. Могу устроить, чтобы вас отбуксировали в мастерскую. Мужчина дожеввал хлеб и покачал головой.

— У нас все хорошо, — сказал он.

— Нет, не хорошо, — сказала женщина.

— Молчи.

— Сам молчи.

— Куда едем? — спросил Майер. Он обошел их и стал осматривать кадиллак. Заглянул в салон.

— Теннесси, — ответила женщина.

— Ага. Теннесси, — добавил мужчина.

— Куда именно?

Мужчина поскреб затылок.

Майер медленно описал круг вокруг автомобиля и остановился рядом с ними. Оглядел женщину, потом мальчика.

— Тебе сколько лет, сынок? — спросил он.

— Пятнадцать. Шестнадцать.

— Ты что, не знаешь?

— Все он знает, — заговорила женщина.

Она подошла к мальчику и положила руку ему на плечо. — Просто придуривается, вот и все.

— Мы ничего не нарушаем, — быстро, словно его ткнули чем-то острым, проговорил мужчина.

— Я и не говорю, что нарушаете.

— Ну и все.

— Но ваша машина сломалась на государственном участке.

— Ей это и скажите.

— Господи, но я-то говорю это вам, — ответил Майер. Он положил шляпу на багажник и упер руки в бока. — Я приехал узнать, не нужна ли вам помощь, чтобы отправиться дальше, но раз вам, похоже, неинтересно, зайду с другой стороны. Это вы сегодня

зашли в аптеку Джимми Гая и трогали его внучку?

— Не знаю.

— Что не знаете?

— Не знаю никакого Джимми Гая.

Шериф фыркнул и рассмеялся.

— Прекрати, — женщина ткнула мужчину в плечо.

— Не собираюсь ничего прекращать. Мы ничего не нарушаем.

Шериф подошел к нему поближе. Он был на голову выше. Лет на двадцать старше, но образчик здоровья по сравнению с тощим изможденным мужчиной.

— Ладно. Не буду больше задавать вопросов. Просто скажу. Вы зашли в ту аптеку. Вы коснулись рукой той девушки и угрожали ей.

— Это ложь.

— Вы сказали, что вернетесь за ней.

— Это гнусная ложь.

— Я просто пересказываю то, что мне рассказали, и у меня нет причин этому не верить.

— Я ее не касался. Я ничего ей не обещал. Вот, спросите этих двоих, которые здесь перед вами стоят.

— Не собираюсь ничего спрашивать. Теперь буду только говорить.

Рот мужчины заполнился слюной, но он задержал ее. Хотелось плюнуть прямо в лицо шерифу. Но он не стал. Проглотил. Он кив-

нул и ответил — да, сэр, — зная, что это может избавиться от него.

Майер чуть отступил. Взял шляпу, постучал по крышке багажника и сказал: откройте-ка.

— Там только наши вещи, — сказала женщина.

— Открывайте.

Мужчина неохотно вынул ключ из замка зажигания. Вернулся к багажнику и открыл. Внутри в беспорядке валялась скомканная одежда и одеяла. Кастриули и сковородки. Галлонные бутылки воды. Пустые бутылки и банки. Топор, куски веревки, банки тушеных бобов и кукурузы. Майер потыкал рукой в одежду, немного порылся внутри и захлопнул крышку. Вытер руку о рубашку.

— Так вот, — сказал он. — Начнем сначала. Вам нужна помощь в починке машины?

— Не нужна нам никакая помощь, — буркнул мужчина.

— Да, нужна, — сказала женщина. — Но если у вас нет механика, который готов починить ее по доброте душевной, нам придется бросить ее здесь.

— Здесь ее оставлять нельзя. Я уже вам говорил, — ответил шериф. Потом он потер подбородок, поднял глаза к вечернему небу и снова посмотрел на женщину. Посмотрел на мальчика, который вытаскивал из пакета последний кусок хлеба.

— Утром посмотрим, что можно сделать. Может, что-нибудь придумаем. Найдем возможность, чтобы вы могли ехать дальше.

— Да, сэр, — сказал мужчина.

— Вам есть где переночевать?

Женщина ткнула пальцем в кадиллак.

— Ладно, — сказал шериф. — Я вернусь утром.

Он кивнул им и надел шляпу. Подошел к своей машине и сел на сиденье. Когда он выезжал с парковки, лучи фар на миг осветили троицу, и их глаза блеснули, как у прячущихся в темноте леса животных.

* * *

Как только женщина и мальчик заснули на заднем сиденье, мужчина осторожно открыл дверцу и выскользнул из машины, не захлопывая дверцу, чтобы не разбудить их. Он ходил по тротуарам и переулкам. Ходил по дворам и заглядывал в припаркованные рядом с домами машины. То ныряя в тень, то выныривая, он искал какой-то ответ. А потом бросил. Оставляю их там. И зашагал прочь из города. Не зная, куда идет, брэнча мелочью в карманах, пока город не скрылся позади. У него не было передних зубов, и он постоянно ритмично причмокивал губами, отчего женщина всегда бесилась, потому что это напоминало ей о той жизни, что они ведут, но

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

МАЙКЛ ФЭРРИС СМИТ
ГОЛОСА ТЕМНОЙ ДОЛИНЫ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Ирина Львова, Антонина Филимонова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.10.2025.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 11,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-TLS-36115-01-R